

A stylized illustration of a boy with light brown hair, wearing a dark t-shirt, climbing over a green fence. He is positioned at the top of the fence, with his arms extended to grip the top rail. The background is a dark, textured green, suggesting foliage or a night scene. The overall style is reminiscent of mid-20th-century Soviet children's book illustrations.

Я. АКИМ

СТРЕКОЗА
И
ЛИМОНАД

ДЕТГИЗ

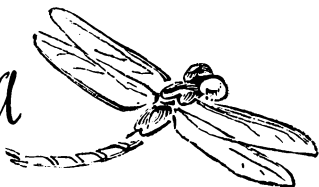

Цена 5 коп.

Плата 6 к

Я. АКИМ

Стрекоза

и

лимонад

Рассказы

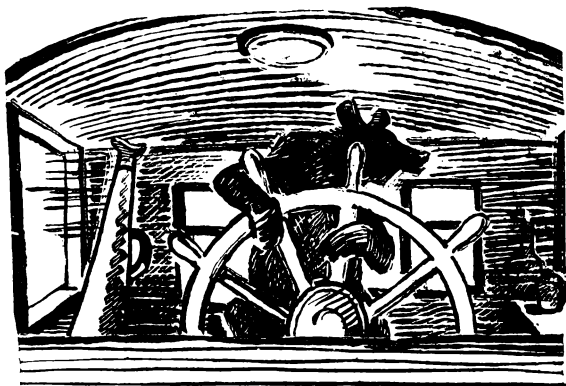
**Рисунки
Ив. Бруни**

*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
МОСКВА 1962*

Вы когда-нибудь видели стрекозу с голубыми крыльями? Именно такую стрекозу захотелось поймать мальчику Васе. Но погоня за стрекозой оказалась для Васи нелёгким испытанием. Об этом вы узнаете, прочитав рассказ, по которому названа книга.

Герои этой книги живут кто в пионерском лагере, кто в большом городе, кто в маленьком городке. А один из героев — медвежонок — проживал, хоть и недолго, на борту речного буксира «Бурун».

Отзывы о книге присылайте по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги,

МИШКА-МАШКА

Посвящается Ивану Михайловичу Назарову

Ещё с вечера поручни на палубе покрылись мелкими, точно изморось, капельками. Капитан провёл по ним ладонью и крикнул вахтенного:

— Слышь, Саня, туман будет. Стало быть, тут и заночуем, а пороги засветло пройдем. Я отдохну маленько, в три часа разбудишь. И в машинном скажи.

Саня остался на палубе один. Зимой в Красноярске, в ремесленном училище речников, он мечтал попасть на стажировку в такой дальний рейс. И вот ведь повезло — послали его не на какое-нибудь там новенькое, только со стапелей судно, а на выдавший виды, заслуженный буксир...

«Бурун» стоял, уткнувшись носом в дебаркадер. Было тихо. Лениво хлюпала вода за бортом, будто кто-то полоскал бельё в корыте. Над Енисеем взошла луна, осветила песчаную косу, лесистый остров с домиком бакенщика и высокий противоположный берег — там подступала к Енисею тайга.

Летние ночи ближе к северу стали совсем короткими. Саня и не заметил, как начало светать. Надвинувшийся со всех сторон туман из серого сделался сначала сиреневым, а потом, под первыми лучами солнца, за клубился розовым дымком. То и дело из тумана выныривали толстые лесины: должно быть, прибывшая после дождей вода разорвала плот и брёвна поодиночке плыли вниз по течению, к Ледовитому океану.

Вдруг Саня заметил в туманной проталине какой-то странный предмет. Тёмный треугольник плыл поперёк реки, от противоположного берега течением его сносило к «Буруну».

Саня перегнулся через перила, сложил руку козырьком и прищурил глаза. Чёрный треугольник приближался, и теперь можно было различить острые кончики торчащих над водой ушей.

Медвежонок! Он плыл, загребая под водой лапами, и лишь морда высывалась над ленивой, кофейного цвета волной.

Медвежонок плыл прямо к буксиру, отфыркиваясь и смешно задирая нос. Саня побежал на бак, схватил наметку — длинный полосатый шест, которым измеряют глубину, — и, крепко сжав обеими руками один конец шеста, бросил другой конец медвежонку. Тот, увидев шест, стал часто-часто перебирать лапами, пока не ухватился за конец наметки, да так, что Саня едва не выпустил шест из рук. Медвежонок попробовал подтянуться, но заскользил по мокрому шесту и снова плюхнулся в воду.

— Эх ты, Мишка-Машка! — крикнул Саня. Он вытащил из воды шест и, не спуская глаз с медвежонка, бросился на корму, где стояла бадья с верёвкой, привязанной за дужку. Саня обмотал верёвку вокруг руки и кинул бадью за борт. Медвежонок тут же сообразил, что от него требуется: он уцепился передними лапами за верёвку около дужки, а задними перевалился в бадью.

Саня упёрся животом в поручни и стал вытягивать бадью. Медвежонок покорно сидел в полной воды бадье, отряхивался и довольно скалил зубы. Очувшись на палубе, он мигом опрокинул бадью, встал на четыре лапы и как ни в чём не бывало стал обнюхивать моток каната. Медвежонок был совсем небольшой, и, если бы не длинная бурая шерсть, как у взрослого медведя, да широко расставленные лапы с мягкими подушечками на ступнях, его можно было бы принять за молодую мохнатую собаку.

— Ну, Мишка-Машка, — сказал Саня, вздохнув, — пора капитана будить. Только палубу сначала уберём, а то беспорядок на вахте.

Он отжал на медвежонке шерсть и собрал тряпкой воду. Медвежонок вёл себя спокойно. Он только поиграл с тряпкой, а потом стал глядеть за борт, провояя глазами стекающие струйки.

— Я сейчас, — сказал ему Саня. — Ты посиди тут, да смотри не озоруй. — Он затолкал Мишку-Машку в рубку рулевого, плотно притворил дверь, а сам спустился по трапу и постучал в каюту капитана.

— Алексей Прокопыч, вставайте, туман расходится.

Но капитан был уже на ногах. Он вышел из каюты, надевая на ходу выцветшую фуражку с «крабом».

— Буди мотористов, — сказал он Сане. — Отходить будем, к вечеру в самый раз в лесхоз должны прийти, воз дадут: баржа под погрузкой стоит.

— Алексей Прокопыч, — окликнул Саня, подымаясь вслед за капитаном на палубу, — тут у нас... как бы сказать... гость.

— Какие такие гости? — Капитан даже остановился и топнул тяжёлым сапогом. — Сколько раз говорено: без разрешения на судно ни души!

— Да ведь, Алексей Прокопыч... — начал было Саня.

Но сердитый капитан уже рванул на себя дверь в рубку.

У большого штурвального колеса стоял на задних лапах медвежонок. Передними лапами он навалился на ручки штурвала и поворачивал колесо до тех пор, пока лапы не соскальзывали на пол. Высокие табуреты с кожаными сиденьями были опрокинуты. Белый сигнальный флаг валялся, разодранный, у входа в рубку. Мишка оглянулся на шум, вопросительно задрал морду и неохотно побрёл в дальний угол.

— Это что ж такое, а? — обернулся капитан к Сане. — Где это видано, чтобы медведь такое безобразие творил? Сию же минуту — в ошейник и на цепь. Тоже мне, гляди, рулевой нашёлся. А ты — марш в машину к мотористам, пусть заводят!

Но было видно, что капитан не очень сердится.

«Бурун» без остановок работал вверх по течению. Деньёк выдался на славу. Солнце пекло так, что раскалило железную палубу, точно сковородку. У рулевого от солнечной ряби слепило глаза.

Саня отдыхал после вахты. Из старого ремня он сшил медвежонку ошейник. Мишка-Машка сначала долго мотал башкой, пробовал стянуть ошейник лапой, потом успокоился. Сажать его на цепь Саня не стал, просто не отпускал от себя ни на шаг. Обедать он пошёл последним и взял медвежонка с собой, придерживая рукой за ошейник. Мишка-Машка, неуклю-

же переваливаясь, вслед за Саней поднялся по трапу, но только ступил на палубу — заворчал и повалился на бок.

— Ну хватит тебе, вставай, слышишь? — уговаривал его Саня.

Мишка не шевельнулся. Тогда Саня понял: медвежонку больно наступать своими подушечками на горячее палубное железо. Саня сгрёб медвежонка на руки и перенёс в тень, туда, где стоял обеденный стол для команды. Не успел Саня оглянуться, как его дружок стал вылизывать тарелки, которые повариха не убрала после обеда. Только Саня потянулся за ножом, чтобы отрезать кусок хлеба, — Мишка-Машка с костью в зубах очутился на крыше капитанской рубки, у самого прожектора.

Покосившись на медвежонка, Саня с тарелкой пошёл на камбуз за обедом. Он возвращался с дымящимся супом, когда услышал, как рыжий радист Иван Иванович говорит капитану:

— Связи с Красноярском нет, не могу связаться да и только. Рация в порядке, питание нормальное, а приёма нет.

Капитан, рыжий радист, а за ними и Саня вышли на палубу и, услышав какую-то возню, подняли голову.

На крыше рубки медвежонок играл обрывками радиоантенны, он до того развеселился, что не заметил людей и продолжал делать своё чёрное дело.

— Вот он! — закричал рыжий радист, и красное лицо его сделалось совсем багровым. — Глядите, антенну сорвал, связь нарушил, а я отвечаю, да?

— А ты что смотрел? — обернулся к Сане капитан. — Было сказано — на цепь, и точка. Нет такого порядка, чтобы медведи по кораблю, всё равно как в тайге, разгуливали, понятно? Устраняйте аварию и доложите!

Капитан ушёл, сердито посапывая трубочкой, а разозлённый Саня полез доставать медвежонка. Сообразив, что на этот раз ему несдобровать, Мишка-Машка кубарем скатился с крыши на палубу и со всех ног бросился бежать.

— Держи! — крикнул Саня радисту.

Но медвежонка и след простыл. Саня заглянул в машинное отделение, спустился в кубрик, обшарил кладовку и даже перевернул бадью. Медвежонка не было.

— Эй, — крикнул ему рыжий радист, — кто за тебя будет антенну натягивать, генерал Топтыгин, да?

Они уже почти приладили новую антенну, когда из камбуза донёсся оглушительный визг. Вслед за этим на палубе заметался какой-то белый пыльный клубок, а из камбуза с криком выбежала повариха тётя Клаша.

— Ой, батюшки-святы, перепугал насмерть, окаянный! Полезла в тумбочку за мукой, оладьи печь собралась, а он там в муке завалился и спит, а мешок разодрал весь!

На крик явился капитан. Он молча поглядел на заплаканную повариху, потом на вывалянного в муке медвежонка, выбил трубочку и сказал Сане:

— Вот что, Александр, стало быть, пассажира твоего на берег спишем. Больно много он тут набедокурил за один-то день. Пристанем, значит, сейчас в Атаманово, и сдашь его ребятишкам в лагерь. Понятно? Всё.

На подходе к Атаманову Саня отмыл Мишку-Машку горячей водой, взял у поварихи большую корзину для ягод и, затолкав в неё медвежонка, обвязал корзину сверху мешковиной. На пристани Саня сошёл по трапу на берег и зашагал к пионерскому лагерю.

У лагерных ворот его остановили дежурные, одетые в какие-то странные костюмы из серебристой бумаги и белые островерхие шлемы.

— Где у вас тут начальство? — спросил Саня.

— Начальник лагеря в город уехал за ракетами, у нас сегодня праздник после ужина — путешествие в космос. А старшая вожатая — на стартовой площадке, сейчас позовём. А вы ягоды принесли, да?

— Какие там ягоды!.. — Саня слегка отвернул мешковину, и из корзины выглянул чёрный нос.

— Собака, да? — спросила девочка. — Это вы её продаёте?

— Не продаю, — ответил Саня, — в подарок.

На дорожке показалась старшая вожатая, за ней бежали ребята в костюмах космонавтов и спорили, кто будет поджигать ракету — лучший звеньевой или пиротехник из города.

— Здравствуйте, — сказал Саня, — вот вам подарок от команды буксира «Бурун». — Он сдёрнул мешковину, схватил медвежонка за ошейник и показал его ребятам.

— Ой, медвежонок! — пискнула девочка в марсианском шлеме.

— Настоящий! — определил дежурный.

— Мишка, мишка! — загалдели ребята. — А как зовут его?

— Машка, — ответил Саня и потрепал мишкин загривок. — Мишка-Машка, так и зовут. Держите.

Он подтолкнул медвежонка, и двое мальчишек, которые спорили, кому поджигать ракету, схватили его за ошейник.

— Спасибо большое, товарищ! — сказала вожатая и протянула Сане маленькую загорелую руку. — Оставайтесь у нас на праздник, пожалуйста. Сейчас ужин, а потом сразу и начнём.

— Не могу, — сказал Саня, — меня на буксире ждут, пора отваливать — за лесом идём.

— Слушайте, — закричал чернявый мальчишка, — слушайте, что я придумал! Он у нас полетит в космос, в ракете, как Белка или Стрелка! Ракету пустим, а медвежонок тоже полетит, а потом вернётся!..

— Только вы, дядя, не беспокойтесь, — объяснил Сане дежурный. — Это не по правде он полетит, а как будто, понимаете?

— Понимаю, — тихо сказал Саня, — не по правде... Только вы кормить его не забывайте, ладно?

...Уже стемнело, когда Саня подошёл к причалу. «Бурун» покачивался на волне и тихонько подрагивал — машина работала. Саня с пустой корзиной в руке ступил на деревянный трап, и тут над широкой рекой стремительно взмыла в небо красная ракета, и эхо за сопками гулко повторило ребячье «ура-а-а!».

Мишка-Машка отправился в космический рейс.

СТРЕКОЗА И ЛИМОНАД

Именно такой стрекозы недоставало в Васиной коллекции.

Она то кружилась над лопухами, то ненадолго присаживалась на крышку мусорного ящика. И тогда Вася мог разглядеть синие, точно слюдяные, крылья, крупную, похожую на божью коровку, голову и тонкое туловище, которое то и дело изгибалось крючком.

Стрекоза была хитрее Васи. Она летала чуть выше поднятой руки, а когда садилась и Вася пытался ухватить её за крыло двумя пальцами, догадливая стрекоза взмывала, и Вася оставался стоять с вытянутой рукой, как дирижёр оркестра в городском саду.

— Ва-а-ськ!

Калитка с грохотом распахнулась, и во двор вле-

тел рябой Колька Звонов. Вася зашикал, но было поздно: стрекоза, описав прощальный круг над лопухами, скрылась за высоким забором.

— Ну что ты, — напустился Вася, — большой, а кричишь! Не видишь? Где теперь взять стрекозу-то?

— Куда она денется, — сказал Колька и, сощутив и без того узенькие глазки, смерил ими забор. — Там она небось в заводе, на ситрэ сидит.

На соседнем дворе был завод. Вернее сказать, заводик, потому что ни высоченных труб, ни огромных цехов на заводском дворе не было. И вырабатывал завод не что-нибудь, а просто фруктовую воду, сидро.

— Давай, — продолжал Колька, — лезь, я подсажу, а уж оттуда самому плёвое дело — с той стороны поперечины на нём, на заборе. Ну?

— А сторож? — спросил Вася и приложил ухо к занозистой доске.

— Эх ты, умник, а ещё рядом живёшь! — Колька, цыкнув языком, сплюнул. — Дядя Троша, он с вечера сторожит, а сейчас и рабочих-то нет никого, обедают. Давай лезь, что ли, не то совсем упустишь.

— Подсаживай, — сказал Вася нахмурившись. — Удержишь?

— Смеёшься, — хмыкнул Колька, — что в тебе весу-то? Я вон вчера картошки почти полмешка из подпола выдернул, и то ничего.

Он быстро нагнулся, обхватил Васину ногу и рывком подкинул её к самому подбородку.

— Постой! — вскрикнул Вася, едва удержавшись на одной ноге. — Так не пойдёт.

— Ладно, — сказал Колька. — Я тогда тебе спину подставляю. Только уговор: долго на ней не топчись, одна нога на мне, другая — на заборе. Понял?

Он расставил босые ноги и упёрся ладонями в колени. Вася с чурбака взобрался на плотную Колькину спину, уцепился за острый конец доски,

подтянулся, кое-как поставил ногу в зазубрину и, перевесившись, плюхнулся вниз, в невысокую густую траву. Перед ним, в несколько этажей, громоздились ящики с торчащими горлышками бутылок. Вася огляделся, шуганул раз-другой руками. Стрекозы не было.

— Васьк, — слышался нетерпеливый шёпот из-за забора, — ну чего ты там?

— Нет её, — зашептал Вася. — Говорил ведь: спугнули... Сейчас назад прилезу.

— Да ты погоди, — прошипел Колька, — ну стрекозы нет, а что есть?

— Ящики, а в ящиках бутылки. Больше ничего.

— А ты не будь разиней, глянь, что в бутылках.

Вася посмотрел по сторонам, не идёт ли кто, и сунул нос в широкую щель между ящичными планками. В ноздри ему ударил густой, таинственный запах погреба и пробки. На жёлтой этикетке Вася вслух прочёл напечатанное по-письменному слово *Лимонад*.

— Лимонад! — эхом отозвалось из-за забора. — Сила! Позавчера тётка Вера бутылку его принесла, мне меньше стакана досталось... А ну-ка, Васьк, ты давай... это...

— Лезу, — сказал Вася, — там матери не видать?

— Никого не видать, — снова зашептал Колька. — Ты сперва только одну бутылку сюда... перекинь, а я словлю. Да не дрейфь, ну!

— Постой, это, значит, как же выходит?.. — озираясь по сторонам, спросил Вася.

— Распустил слюни, — негодовал Колькин голос. — Да их там с тысячу, этих бутылок, может, и побольше, а ты какую-нибудь одну... Кидай, говорю!

— Зачем она нужна, Колюнъ, а? — Голос у Васи сделался скучным.

— Ну вот что... — Колька теперь уже не шептал, а громко сердился. — Хватай живее, скоро обед у них кончится, слышь, что ль!

Чтобы достать бутылку, Васе пришлось карабкаться на самый верхний этаж ящичной пирамиды, туда, где горлышки не были заставлены другими ящиками. Он вытянул зелёную бутылку из ячейки и сунул за пазуху. Стекло под рубашкой обжигало, точно кусок льда. Вася уже приготовился слезать, когда увидел рабочих — переговариваясь, они шли от ворот к бревенчатому зданию.

Он прыгнул вниз. Но, прежде чем ноги его коснулись травы, бутылка выскользнула из-под рубашки и раздался глухой противный звон разбитого стекла. Почти одновременно прошуршали лопухи за забором, и Вася услышал топот убегающих босых ног.

Из отбитого горлышка неторопливой струйкой вытекал в траву лимонад. Руки у Васи дрожали, во рту пересохло. Голоса приближались. Вася с трудом закинул ногу на поперечную жердь и кое-как перевалялся через забор.

Только очутившись на своём дворе, в лопухах, он немного отдышался. Руки были в занозах, колени ободраны. Одна нога оказалась легче другой — левая тапочка осталась на заводском дворе. Вася затолкал уцелевшую тапочку в карман штанов, плеснул на разбитое колено дождевой воды из бочки и незаметно юркнул на улицу.

...Рябой Колька играл сам с собой в ножички. На Васин свист он неохотно вышел из калитки.

— Ты куда делся? — спросил Вася.

— На кудыкину гору, вот куда. — Колька подкинул ножик на ладони, сложил и спрятал в карман. — Отец позвал, поленницу перекладываем. Ну, а ты что-чего?

— Бутылку я разбил, вот чего. И тапочка свалилась, когда обратно лез.

— Кто же тебе велел разбивать, — сощурился

Колька. — Я думал как? Глотнѐм по разку и на место вставим. А у тебя не руки — решето. Да ещё вдобавок тапку посеял, теперь собаку пустят, ищейку.

— Зачем же ищейку? Их ведь там полно, бутылок, ты сам говорил. Могло одну... градом, например, разбить, бывает такой град, с голубиное яйцо.

— Додумался — град! — Колька хохотнул и оглянулся, словно приглашал в свидетели козу, щипавшую траву в канаве. — Дождя-то скоро три недели как не было, а он — град! Мелет, а что мелет — слушать противно.

Он повернулся и пошёл прочь. Вася побледнел. Ворту опять пересохло, как тогда, на заводском дворе.

— Стой! — окликнул он Кольку. — Ты же... ты же мне сам... Я думал ты человек, а ты...

— Ну, чего ещё? — Колька обернулся и отставил ногу.

Васино сердце заколотилось. Стиснув зубы, он бросился на Кольку. Колька сделал шаг назад и споткнулся о верёвку, за которую была привязана коза; оба упали и покатились по земле. Вася не умел драться, он просто обхватил своего противника так, что большой Колька никак не мог вывернуться и освободить руки. Они барахтались в пыли и тяжело дышали.

Вдруг у Васи как будто засвербило в ухе. Он тряхнул головой, но через секунду тоненькое гуденье повторилось. Вася скосил глаза. И тут же, оттолкнув от себя Кольку, вскочил на ноги и побежал.

Стрекоза! Такая же, а может, и та самая, с голубыми крыльями, перелетела дорогу и кружилась над палисадником агафоновского дома. Вася с разбегу перемахнул через канаву и замер. Он выждал, пока стрекоза села на жёлтую изгородь, и лишь тогда стал подкрадываться, стараясь не спугнуть стрекозу тенью от вытянутой руки. Когда же хрупкие слюдя-

ные крылья сложились, Вася мгновенно зажал их между пальцами.

— Есть, — тихо сказал Вася. — Вот она!

Он поднёс стрекозу близко-близко к глазам, поглядел на солнце сквозь синие крылышки и, не оглядываясь, пошёл по улице.

— Вот ты где, — прижимая свою добычу к перемазанной рубашке, шептал Вася. — И зачем тебя туда понесло, скажи, ну зачем?

Он опять вспомнил разбитую бутылку, Колькину ухмылочку и жгучую свою обиду. Но теперь, когда в руках у него стрекотал маленький живой самолётчик, всё, что произошло, уже не казалось Васе таким безвыходным. «Ничего, — думал он, — бутылка у меня есть, из-под чернил, сдам её, а ещё гривенник у матери попрошу...»

— А то что же получается? — спросил он у стрекозы, сунув палец в её цепкие лапки. — Может, и тапочку дядя Троша отдаст, почему не отдать, а?

— Эй, — крикнул Колька ему вслед, — смотри только пикни!

Но Вася не слышал его.

БЛИЖНИЙ СВЕТ

— Так я и знала, — сказала мама, — опоздали. А следующий только в двадцать три пятнадцать. В четверть двенадцатого, ничего себе!

Гога скинул рюкзак, поставил на землю клетку с кроликом и тоже глянул на расписание — крашеную дощечку на столбе. После 21.02 сразу было написано 23.15.

— Хоть бы до станции на попутной добраться, а там поездом. — Мама вздохнула и перестегнула две пуговицы на Гогиной рубашке.

Они стояли на остановке пригородного автобуса, напротив стрелки «ПИОНЕРЛАГЕРЬ «ДРУЖБА» — 600 м». Солнце садилось. Пахло сосной и остывающим асфальтом. Шоссе было пустынно. Прошёл в противоположную сторону автобус, замедлил ход, но так и не остановился — видно, некого было высаживать. Наконец вдалеке, на серебристом зеркале дороги, показалась какая-то огромная, странная машина. Спереди она была похожа на большой яичного цвета круг. Машина, рыча, приближалась, и на повороте Гога увидел, что это цистерна, и рассмотрел синие по белому буквы: МОЛОКО.

Мама робко вытянула вперёд руку. Машина круто притормозила, но прокатилась мимо них и только тогда стала. Подхватив рюкзак и клетку, Гога с мамой побежали вперёд. Из окошка кабины перевесилась взъерошенная голова.

— Будьте любезны, — жалостным голосом сказала мама, — подвезите нас до станции: на автобус опоздали.

— До станции не получится, — ответила голова. — Я на развилке левой возьму, на магистраль и — в Москву, молоко сдавать.

— Тогда, может быть, до Москвы? Вещей у нас немного, вот... все тут. Не уместимся?

— Места хватит, — сказал шофёр, — у меня тут не кабина, целый кабинет. Залезайте. Давай сюда свой пух-мех, ишь ты, любопытный какой. — Он распахнул дверцу и протянул руку за клеткой.

...Кабина была такая высокая, что Гоге показалось, будто он забрался на верх двухэтажного троллейбуса. Мотор ревел, было жарко. Гога сидел на клеёнчатом сиденье рядом с шофёром, и прохладный рычаг то и дело касался его ноги. Другую ногу Гога поставил на клетку с кроликом, чтобы клетка не подпрыгивала и кролика не очень трясло.

— Натуралист? — крикнул шофёр сквозь шум мотора.

— Ой, не говорите! — закричала мама. — Начальник лагеря говорит, всю смену около этого кролика просидел. Да ещё неприятности себе нажил...

— Он, Пушок, одному брюки отгрыз: он шерсть любит, — сказал Гога прямо в ухо шофёру.

— Отгрыз, говоришь, — рассмеялся шофёр. — Ну и пух-мех, шерсть любит! Да... У нас вот на базе три собаки есть, овчарки. А сменщик мой, тоже, можно сказать, натуралист, напугал одну как-то, прямо на неё поехал... так, из озорства. И, представляете, собака эта теперь на него каждый раз кидается, проходу не даёт. И тех двоих сагитировала, тоже вместе с ней лают!

Становилось всё темнее. Что-то щёлкнуло, и два световых щупальца забежали далеко вперёд, пробивая путь. На подъёмах шофёр переключал скорость, и Гога чувствовал, как напрягается мотор и замедляет ход тяжёлая машина. Незаметно он задремал, и в этой полудрёме Гоге чудилось, будто он в самолёте, летит к отцу в Туркмению... Ревут моторы, а он, Гога, выглядывает из круглого окошечка туда, где пески...

Он проснулся от резкого толчка и маминого вскрика. Машина рванулась в одну сторону, потом в другую и затормозила так резко, что Гога чуть не ударился лбом о стекло. Он успел заметить, как странная тень метнулась перед самыми фарами.

— История, — сказал шофёр, — должно быть, поранили. — Он выключил мотор, распахнул дверцу и спрыгнул на шоссе.

— Задавили кого, а? — спросил Гога и тоже соскочил на асфальт.

Шофёр обошёл машину спереди, разглядывая радиатор и крылья.

— Лось, — сказал шофёр. — Прямо под колёса, на свет кинулся. Думал, в лепёшку, а вот успел я, значит, отвернуть, в лес утёк...

Он нагнулся над крылом машины и поманил Гогу:

— Гляди-ка, задели всё же. Боком, а задели!

На кремовой краске Гога увидел тёмное пятно. Он тронул пятно пальцем и вдруг понял, что это — застывшая кровь лося с налипшей короткой шерсткой. Гога отдёрнул палец и заглянул шофёру в глаза:

— Дядь, а может, он раненый? Недалеко, может, ушёл, а?

— Всё бывает, — многозначительно произнёс шофёр. — И верно, — сказал он Гоге, — любопытно взглянуть. А вы, мамаша, побудьте тут, если что — прямо жмите на сигнал, услышим. Фары я оставляю, чтобы вам спокойнее.

Мама что-то крикнула из кабины, но они уже вышли из полосы света, вернулись немного по шоссе, потом перепрыгнули через канаву и по мокрым травяным кочкам зашагали к опушке. Светила луна, но после яркого света фар глаза ещё не привыкли к полумраку и приходилось ступать на ощупь, чтобы не споткнуться.

Шофёр остановился, присел на корточки, что-то высматривая в траве, но, так ничего и не разглядев, махнул рукой, и они побрели дальше, пока не уткнулись в тёмную стену леса.

— Иди за мной, — шепнул Гоге шофёр, — да потише, не хрусти. — Он осторожно раздвинул кусты и, стараясь не шуметь, двинулся в глубь леса.

Гога шёл за ним, сердце его колотилось. Один раз ему даже померещились рога, но это оказался просто-напросто высохший куст.

Лес поредел, и они вышли на просторную, зали-

тую луной поляну. Замерли на месте и прислушались.

Кругом было тихо. Равнодушно шелестели под ветерком осины, тонко стрекотали кузнечики. Изредка с дороги долетало фырчанье проходящей машины. Шофёр обвёл глазами поляну так пристально, как будто хотел увидеть что-то за тёмными кустами. Ещё минуту постояли молча.

— Как тебя звать-то? — спросил шофёр.

— Гога. Молока бы ему здесь оставить, в банке, а?

— Ишь ты, натуралист! Не вернётся, напугали мы его... Да и где его возьмёшь, молока. Четыре с лишним тыщи литров везу, а попробуй нацеди хоть полстакана — пломбой запечатано, нельзя. Вот так-то, Гога.

Он взял Гогину руку в свою, поглядел зачем-то на верхушки осин и, насвистывая, пошёл обратно, к шоссе. Скоро они увидели сноп света и силуэт машины. Из кабины выглядывала встревоженная мама.

...И снова ревел мотор, и машина мчалась мимо чернеющих по обочинам лесов, штурмовала подъёмы, перекатывалась через гулкие мосты. Гога уже не дремал теперь, он всё думал о раненом лосе. Шофёр подшучивал над их приключением, изредка мама спрашивала о чём-то, но Гога отвечал невпопад. А когда шофёр задел ногой клетку, Гога в первый раз вспомнил про своего кролика, но тут же отогнал эту мысль: ведь кролик ехал в тепле, целый и невредимый.

Уже заиграло вдали зарево ночного города, мелькнул зелёным огоньком первый светофор, а у Гоги перед глазами всё ещё стояла лунная поляна с дрожащими верхушками осин. На поляну, тревожно озираясь, вышел лось. Он подогнул колени и лёг в траву, дыша тяжело и коротко.

ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ

Сейчас я в пятом, а тогда был во втором.

Теперь я звеньевой, а тогда ещё никого из нашего 2-го «Б» даже в пионеры не принимали — говорили, подрасти надо.

И только один счастливый человек в нашем классе носил пионерский галстук — второгодник Толя Смирнов. Толя был намного старше всех нас, потому что и в первом и во втором сидел по два года.

Здорово он задавался, этот Смирнов. На переменке силу свою показывал — маленьких лупил. И ещё смеялся громче и дольше всех, особенно когда сам себя рассмешит какой-нибудь чепухой.

Стоят, например, в коридоре Костя Бровин и Клава Мариничева, марки разглядывают — они марки собирали и приносили в школу меняться. Так вот, стоят они у окна, а Толя подойдёт сзади да как гаркнет: «Жених и невеста! Гляди-ка, ребя, жених и невеста! Ха-ха-ха!» Кое-кто, конечно, ему подхихикнет, но быстро успокоится. А Толя всё гогочет: «Жених и невеста! Ха-ха-ха!»

Это в перемену. А на уроке, когда вызывала учительница к доске, от Толи слова добиться нельзя было. Стоит, руки в карманы (такая у него привычка была) и штаны поддёргивает, как будто они у него сваливаются. И молчит. Наша Екатерина Васильевна, уж на что уравновешенная, и то из терпения выходила.

— Неужели, — говорит, — Смирнов, за два года таким простым вещам нельзя выучиться? Ведь ты же не без способностей! Садись.

Мы выделили Славика Богданова, чтобы Смирнов вместе с ним домашние уроки делал. А Толя не стал со Славиком оставаться да ещё пригрозил, что устроит ему «тёмную», если Славик будет приставать со своей помощью.

Во второй четверти к нам прислали вожатую — Шуру Стародубову, тоже школьницу, только из 7-го «Б».

Сначала Шура повела нас в краеведческий музей и показала очень старинные, выкопанные из земли каменные молотки, топоры и разные кости. И ещё древний плуг — «соха» называется.

Потом Шура постановила, чтобы мы сами выпускали стенгазету. Выбрали трёх человек: Славика, меня и Тоню Кожухову, потому что у неё мама чертёжница.

Мы ещё никогда не выпускали стенгазеты, и было интересно. Славик написал две заметки: про экскур-

сию в музей и о том, как он катался на лодке. Ещё одну заметку — «Моя мечта» — дала Валя Панкина. Мечта у неё была съездить в Москву. А я думал-думал и написал стихи:

Есть у нас ребята в классе,
Смирнов Толя, например.
Он лентяй, плохой товарищ,
А ведь кто он — пионер.

Да таких из пионеров
Давно надо в шею гнать! —
Пионер служит примером,
А не ему пример давать!

Стихи Славику и Тоне понравились, только Славик сказал, что со Смирновым лучше не связываться.

Через два дня Тоня Кожухова, у которой мама чертёжница, принесла из дому большой лист бумаги с нарисованным заглавием — «Наш класс». Буквы были такие ровные, что мы даже удивились.

Я, Тоня и Славик остались после уроков — хотели показать заглавие и заметки нашей вожатой Шуре из 7-го «Б». Мы дождались второй смены, но ребята из Шуриногo класса сказали, что Стародубова уже пятый день болеет свинкой, а какая-то девочка объяснила, что в таком возрасте свинка быстро не проходит и ещё сказала, что к Шуре домой ходить нельзя, а то можно самим заболеть свинкой.

Тогда мы решили выпускать стенгазету пока без Шуры. Тоня Кожухова переписала заметки начисто, а Славик проверил ошибки и наклеил эти листочки на большой лист под заголовок. Ещё я нарисовал в углу почтовый ящик, как в других стенгазетах.

Мы подождали ещё три дня, а Шура всё не ходила в школу. И однажды, после уроков, мы не утерпели — когда все ушли домой, выковыряли из стенки шесть кнопок и приколотили ими нашу газету.

Наутро, перед звонком, ребята столпились около стенгазеты, а мы прохаживались, как будто это совсем не наше дело. Над стихами смеялись, а Толя Смирнов погрозил мне кулаком. Прочитала Екатерина Васильевна и сказала, что мы молодцы.

А в перемену пришла Шура Стародубова. Наверное, свинка у неё кончилась. Шура прочитала заметки, а когда увидела стихи, нахмурилась и подзвала меня.

— Крутиков, — сказала Шура. — Ты что же, считаешь это метод — в шею, да? Разве так мы должны подходить? Что молчишь?

Все притихли, один Толя Смирнов захохотал.

— Все не смешно, — сказала Шура. — Так как же, Крутиков?

— Я и правда так думаю, — выдал я наконец, — вот и написал. Чего же нянчиться?

— Значит, — обиделась Шура, — ты, Крутиков, продолжаешь настаивать?

— Продолжаю, — пробормотал я. — Если все будут такие пионеры...

— Хорошо, — перебила Шура и покраснела. — Раз так, мы эти твои стихи пошлём на отзыв в настоящую редакцию. А пока придёт ответ, стенгазету сейчас же снять.

— Ладно, — сказал я, — снимайте, только кнопки не растеряйте, где их опять искать.

На другой перемене Толя Смирнов подставил мне ножку, потом из школы ребята меня провожали, и он не приставал. А на другой день уже были каникулы, и я уехал к бабушке, в Рыбную слободу.

Сразу после каникул к нам в класс пришла Шура Стародубова. В руках у неё был конверт, а в конверте — напечатанное на машинке письмо из редакции. Шура прочитала его вслух:

Дорогие товарищи ребята!
Возвращаем вам стихи В. Крутикова с некоторыми, на наш взгляд, необходимыми поправками. Желаем успехов в учёбе.

С приветом
Редактор районной газеты
«Северный льновод»

А. Разливин

На другом листке были мои стихи, тоже напечатанные на машинке. Только в них кое-что было по-новому. Вместо строчек

Да таких из пионеров
Давно надо в шею гнать!

было напечатано:

Если Толя хулиганит,
Надо Толю исправлять.

— Ну вот, — сказала Шура, — теперь нужно в стенгазете заклеить старые стихи, а написать, как в письме из редакции. И тогда можно опять повесить стенгазету «Наш класс».

На следующей перемене ко мне подошёл Толя Смирнов, щёлкнул меня по затылку и сказал:

— Слыхал, голова? Исправлять надо!

И дал мне такого тычка, что я еле удержался на ногах.

Вот тогда я и понял, как трудно сочинять стихи, и что бывает потом. Но я решил, что всё равно буду их сочинять, и на всякий случай записался в гимнастическую секцию.

ПОСЛЕ УЖИНА

(Рассказ старого пионера)

Лагерь наш располагался на месте бывшего хутора. На зелёном бугре, над речкой, стояли четыре бревенчатых приземистых дома, открытая летняя столовая и, как водится, мачта для флага с невысоким помостом. Вот и всё. Да, ещё на опушке леса, который начинался метрах в ста от лагеря, была избушка сторожа. Жили в ней сторож дядя Егор и его жена, а рядом, в конуре, — огромная, лохматая кавказская овчарка Казбек. Больше кругом никакого жилья не было. До станции — семь километров, до ближней деревни Городище — четыре.

Любили мы свой лагерь. Когда подходило лето, каждый из нас начинал потихоньку собираться: кто покупал крючки и лески, кто чинил старенький фотоаппарат, кто мастерил коробки для гербариев. И у меня была забота. В лагерь я всегда брал гармонь, которую подарил мне отец, и перед отъездом старался разучить побольше новых песен.

В то лето в лагерь я поехал в третью смену. Погода стояла тёплая, дождливых дней почти не было, но сумерки теперь наступали рано: после ужина солнышко как-то сразу вдруг исчезало за лесом.

Меня опять выбрали вожатым звена. Ребята в звене подобрались хорошие, жили дружно, никто не ныл и не жаловался на скуку. А когда в лагере проводились какие-нибудь соревнования — эстафета с препятствиями или конкурс на лучшую звеньевую песню, — моё звено почти всегда выходило если не на первое, то уж во всяком случае на второе место.

А ещё ребята из нашего звена прославились в лагере тем, что любили подшутить, а иногда и приврать немножко для смеха. Особенно отличались весельчаки в столовой за ужином, когда вполголоса, чтобы не ругался дежурный, обсуждались события дня.

Однажды за ужином Вовка Стрелков, дожёвывая котлету, сказал, ни к кому не обращаясь:

— А мы сегодня с Витькой двух волков видели, когда ударили срезали.

Витька Белянкин, которого Вовка, наверное, успел толкнуть под столом ногой, сделал безразличное лицо и подтвердил:

— Угу, двух. Волка и волчицу. Мы с Вовкой на этой стороне овражка стоим, на них смотрим, а они — на той и тоже на нас уставились. Потом я здоровенный сук сломал, ка-ак размахнулся — и хватить в них. Сразу удрали. А мы с Вовкой взяли удилища — и в лагерь. Чуть к ужину не опоздали.

Всё звено насторожилось. Мальчишки отнеслись к рассказу приятелей недоверчиво, а девочки начали испуганно переглядываться. Только Клава Ерошина усмехнулась и сказала:

— Ну ладно, хватит вам. Какие тут волки. Вы бы лучше вот на зарядку не опаздывали, а то опять Косте краснеть за вас на линейке.

— Дело ваше, — сказал Вовка равнодушно. — Можете, конечно, не верить. Наше дело предупредить, а там как хотите.

Мне тоже вся эта история показалась странной. Все знали, что Стрелков и его дружок, не моргнув глазом, могли ещё и не такое выдумать.

— Вот что, — объявил я, — сейчас, прямо после ужина, пойду-ка я в лес, дойду до овражка и погляжу, какие там волки.

— Правильно, Костик, молодец, — поддержала меня Клава. — И я тоже с тобой пойду, пускай этим заливалам стыдно будет.

— Что ж, валяйте попробуйте, — сказал Вовка, — это тебе, брат, не на гармошке играть!

Тут почти всё звено тоже захотело идти с нами в лес. Но это было уже не так интересно, и я сказал:

— Не стоит, ребята, хватит и двоих. Всё равно редколлегии надо после ужина стенгазету кончать, а Борису и Севке не мешает к завтрашнему турниру подготовиться, а то вчера Шестак из первого отряда нашему Борьке мат в три хода влёпил.

Совсем стемнело, когда мы вышли из столовой. Сначала я ещё зашёл в клубную комнату посмотреть, как идут дела с газетой у наших художников, только потом нашёл Клаву, и мы отправились.

До овражка было довольно далеко. Чтобы сократить дорогу и поскорее вернуться в лагерь, мы решили идти не извилистой натоптанной стёжкой, а напрямик, лесом. Прошли молодой березнячок. Я сломал себе на всякий случай толстую суковатую палку. Дальше начинался настоящий лес. Темнота здесь была кромешная. Как назло, луны не было, кусочки неба в просветах между деревьями сплошь затянуло тучами. Теперь мы шли почти наугад, и я уже немного жалел, что забрался сюда так поздно да ещё взял с собой девчонку.

— Смотри, Костя, что это там?

Шагах в пятнадцать от нас, невысоко над землёй, тлели два уголька.

— Не бойся, — сказал я, — это гнилушки светятся. Пойдём дальше.

Я взял Клаву за руку и, раздвигая в темноте кусты, повёл в сторону овражка.

— А что, Костик, — спросила Клава, когда мы, по моим расчётам, уже подходили, — что если и правда волки, а?

— Ну и что же, — ответил я, — волки просто так на человека не бросятся. Главное, не бежать от них. Если на зверя наступать, он сам от тебя побежит — это я недавно в книжке Дурова читал.

Мы шли по лесу довольно долго, а овражка всё не было. Я понял, что мы сбились с дороги, но виду не подал и, взяв немного в сторону, продолжал уверенно шагать по мокрой от росы траве. Девочка крепко держалась за мою руку. Скоро и она забеспокоилась.

— Где же овраг, Костя? — растерянно спросила Клава и остановилась.

— Как — где, — сказал я, продолжая тянуть её за собой. — Помнишь поляну, где Севка ужа поймал? Так вот, сначала будет эта поляна, а потом сразу овраг.

Я говорил неправду. Днём выйти к овражку для меня было сущим пустяком, но сейчас, в темноте, всё кругом принимало какие-то новые, незнакомые очертания, и я не смог бы узнать ни Севкину поляну, ни кусты орешника, ни многие другие привычные ориентиры.

Мне и самому стало страшно. Кто бывал вечером в лесу, знает, как оживают в темноте кусты, как за хрустом сухой ветки чуждаются шаги подкрадывающегося зверя... Но со мной была девочка. Она по-прежнему крепко держалась за мою руку, я чув-

ствовал, что она боится и что ей стыдно сознаться в этом мне, мальчишке.

— Вот что, — сказал я, останавливаясь у поваленной осины. — Дальше мы, пожалуй, не пойдём. У тебя, наверное, ноги промокли, да и линейка скоро. Постараясь выйти на тропинку — и в лагерь.

Мы повернули назад. Поднялся ветер. Сначала зашумела листва, потом стали раскачиваться крупные ветки, а за ними и тяжёлые стволы. Задевая лицо, осыпáлись на землю прохладные листья.

А мы всё шли. Выйти в темноте на тропку оказалось так же трудно, как и найти овражек. Тапочки промокли насквозь, стало холодно.

— Костик, — позвала Клава жалобно, — а если мы... заблудимся, тогда как?

— Не бойся, не заблудимся. А заблудимся — костёр разожжём. Только вот спичек нет... а то бы, конечно, разожгли...

В эту минуту издалека донеслись звуки горна. Звуки эти с трудом прорывались сквозь шум ветра, но это был наш, лагерный, горн, это трубил сбор на линейку наш горнист Колька Пименов, который никогда не мог взять как следует верхнюю ноту.

— Слышишь, Клава, — почти закричал я, — горн, слышишь!

Сигнал повторился, и мы пошли примерно в ту сторону, откуда доносился горн. Минут через десять слева от нас затрещали ветки. Клава спряталась за мою спину, а я повернулся на шум и сжал в руках палку. Ещё через секунду какой-то лохматый зверь выскочил из-за кустов. Клава закричала и вцепилась в мою рубашку. Длинными прыжками зверь летел прямо на нас. Я сделал шаг вперёд, замахнулся... и выпустил палку из рук.

Это был Казбек, собака нашего сторожа, старый добродушный Казбек. Наверное, ещё никто никогда так ласково не трепал и не гладил его по косматой шерсти, как мы с Клавой. Потом я скомандовал: «Казбек, домой!» И собака, виляя хвостом, побежала. Побежала совсем не туда, откуда нам послышался горн.

Когда мы вышли из лесу, лагерная линейка уже опустела. На мостике у мачты дежурный отвязывал спущенный флаг. Рядом стояли старший вожатый Юра, наша отрядная вожатая Тоня Шилова и ребята из моего звена, которые что-то рассказывали вожатым и показывали на опушку.

Я сразу забыл про лес и про волков и представил, как нам влетит от Юры за это путешествие и особенно за опоздание на линейку.

— Бежим скорее! — сказал я, оглянувшись на Клаву.

Мы побежали. Впереди с лаем мчался Казбек...

Но старший вожатый почему-то не стал нас ругать, а только спросил:

— Что, храбрецы, перепугались?

Клава опустила глаза, а я ответил громко, даже, пожалуй, слишком громко:

— Чего же тут пугаться, лес как лес, никаких волков. Вот на линейку опоздать боялись — это да.

— Ну ладно, ребята, идите, спать пора, — сказал Юра.

Мы разошлись по палатам.

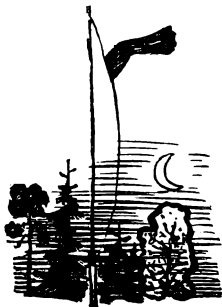
После отбоя старший вожатый и дежурный по лагерю, как всегда, обходили спальни. Увидев, что я не сплю, Юра подошёл к моей кровати и спросил вполголоса:

— Перетрухнул, Костя?

Я молча кивнул головой.

* * *

С тех пор прошло много лет. И вот теперь всякий раз, когда в летних сумерках я слышу далёкую песню пионерского горна, мне вспоминается милый наш лагерь на хуторе и тот вечер, когда мы с Клавой чуть не заблудились в лесу.

СОДЕРЖАНИЕ

Мишка-Машка	3
Стрекоза и лимонад	10
Ближний свет	15
Письмо из редакции	20
После ужина	25

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Аким Яков Лазаревич

СТРЕКОЗА И ЛИМОНАД

Рассказы.

Ответственный редактор *Л. Р. Баруздина*. Художественный редактор
Г. Ф. Ордынский. Технический редактор *И. П. Данилова*.
Корректор *Э. Л. Лофенфельд*.

Сдано в набор 23/V 1962 г. Подписано к печати 8/VIII 1962 г. Формат
60×84¹/₁₆. Печ. л. 2. Усл печ. л. 1,86. Уч.-изд. л. 1,37. Тираж 165 000 экз.
ТП 1962 г. № 236. Цена 5 коп.

Детгиз Москва, М Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза, Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 2938.

